

Ольга Постникова

Белосинка

В доме Бялосинских я увидела послевоенное изображение Нины, кажется, на картоне. Почти в полный рост, тоненькая белобрысая девушка в пилотке и гимнастерке, со смеющимся счастливым лицом, правда, каким-то слишком красным — не румяным, а скорее, воспаленным, обветренным. «С войны поэт принес острое переживание неожиданного продления жизни», — написал Никита Шкловский о таком состоянии в черновике своего предисловия к посмертной книге другого фронтового поэта, Николая Панченко, с которым Бялосинскую связывали долгие годы товарищества.

Именно Николай Васильевич Панченко, руководивший тогда, в середине 1960-х, студенческим литобъединением, познакомил нас, своих учеников, с Ниной Сергеевной Бялосинской, которую мы узнали как поэта, верного друга и человека большой скромности. Мы стали бывать у Бялосинской дома.

Об истории своей семьи Нина Сергеевна писала.

Отец Сергей Иванович Бялосинский, большевик, во время Гражданской войны при отступлении «красных» из Севастополя по приказу командира взял псевдоним Евкин. Псевдоним происходит от имени его жены Евы, матери Нины Сергеевны, актрисы драматического театра. Ева Львовна играла характерные роли, и на кухне висел ряд фотографий Евы Бялосинской в разных ролях. В 1920-х годах Бялосинский — ответственный работник, имевший прямое отношение к становлению советского театра в Крыму, а с 1930-х годов — директор Центрального дома художественной самодеятельности в Москве.

Нина Сергеевна по документам была Бялосинская-Евкина и с довоенных лет жила с родителями в Москве. В 1941 году поступила в ИФЛИ, где после знаменитого «московского драпа» 16 октября 1941 года («когда немцы вошли в окраину Москвы») занятия были отменены. В этот день утром она услышала по радио: «Фронт прорван. Москве угрожает непосредственная опасность...» И после того стали читать главы из «Войны и мира» о том, как сдали Москву и все-таки победили.

«Каждый день в десять, с немецкой аккуратностью начинались бомбежки. И мы с мамой (отец уже был в армии) спускались в полуподвальный этаж, дежурили во дворе, гасили зажигалки, которые сбрасывали с крыши соседи... Мама была актриса Театра одноактной пьесы, который в те дни преобразовался в агитбригаду. ... Я им тоже немного помогала — переделывала известные песенки на военный лад...»

Потом была эвакуация в Туринск, на Урал. В 1942 году по возвращении вместе с матерью в Москву Бялосинская стала служить в Центральной военно-технической школе дрессировщиков. Воспитывала собак для использования в военных действиях —

Постникова Ольга Николаевна — поэт, прозаик. Реставратор стен и башен Кремля, Большого Кремлевского дворца, Архангельского собора и других храмов, античных сооружений Крыма. Автор нескольких книг стихов и прозы. Лауреат литературной премии Фонда А.Тепфера (1994, Германия). Живет в Москве.

собак-санитаров и собак-подрывников. Последних при обучении кормили под танками, и после первого же опыта, когда обвешанные взрывчаткой собаки погибли, остальные под танки больше не шли. Существовали целые команды специально обученных собак-санитаров, которые умели на поле боя безошибочно отличить живого человека от убитого, несмотря на то, что многие раненые были в бессознательном состоянии. Собаки должны были отыскать раненого и доставить ему санитарную сумку. Впряженные в санки или волокушу, они могли вывезти бойца к месту, где ему оказывалась медицинская помощь. Но на переднем крае без команд своего руководителя (проводника) животные, понятно, не действовали. Так что двадцатилетней Бялосинской, которая находилась на фронте с начала 1944 года и участвовала в боях 2-го и 3-го Прибалтийского фронтов, приходилось работать и под огнем. Я это узнала не сразу и от других людей, из ее проговорок и, конечно, из написанного ею. Меня сразу же поразили ее стихи о войне — особой интонацией и какой-то «тяжкой» образностью: «Я всё хочу спросить:/ Не забыл ли ты,/ Как поднимались,/ Тяжко примяты,/ Дорожные, выносливые цветы,/ Пропылённые, как солдаты./ И когда, подкошен/ Над перезрелой травой,/ Мальчик,/ Что роту повёл за собой/ По сердцебиению — / Не по чину,/ Падал,/ Судорожно стебли зажав в горсти,/ Они не переставали расти,/ Умудрялись цвести/ И нас красоте учили...» (1959).

Однажды Нина Сергеевна вдруг рассказала мне, что после войны медаль «За боевые заслуги» называли медалью «За половые услуги», если была награждена женщина. А заговорила она об этом, чтобы уберечь меня от шока, если вдруг услышу такое от чужого человека. Присутствовавшая при разговоре ее мать стала горячо уверять меня, что, конечно же, на войне была и настоящая любовь, ведь те, кого призвали, были так молоды. Позже я прочла у Бялосинской, что «в устном фольклоре, особенно городском, тыловом, махровым цветом распустились сплетни о фронтовом разврате. Были еще особые мотивы в стихах младших поэтов-фронтовиков во время и после войны. Два общих места: о погибших — «ушли, не долюбив» и о вернувшихся — «жить вдвойне за погибших».

Демобилизовавшись в звании ефрейтора, Нина Сергеевна вернулась в Москву и в октябре 1944-го была зачислена на филфак в МГУ, куда влился ИФЛИ. «Меня приняли как фронтовика. Хотя и со скрипом». Она стала ученицей известной исследовательницы устного народного творчества Эрны Васильевны Померанцевой, преподававшей курс русского фольклора и руководившей деятельностью по его собиранию. В фольклорных экспедициях побывала и Бялосинская: «Мы записывали не с вашей техникой, а карандашом по бумаге... Частушки и песни по строчкам, скажем, «ты — четные, я — нечетные». И после экспедиции у нас уже была «набитая рука». Еще был такой прием — записывать «с болваном», то есть один ведет разговор, а другой в стороне записывает. Тогда рассказчик отвлекается от записи, в данном случае — от магнитофона». Отмечала, что люди при записи обычно зажатые: «Как бы не сказать лишнего».

Тема ее дипломной работы — «Частушка брянских партизан» (современная). Для этого дважды ездила на Брянщину. Померанцева опасалась за судьбу Бялосинской и за ее защиту диплома — в стране началась компания против «безродных космополитов». «В университете уже шла травля лучшей профессуры. И прежде всего — на кафедре фольклора». Эрна Васильевна предупредила Нину: «Вас могут поднять на пьедестал, а могут загубить». Она рекомендовала ее в аспирантуру, однако Бялосинскую вычеркнули из списка, так как она не согласилась по требованию замдекана выступить против Померанцевой.

По окончании МГУ в 1949 году Бялосинская служила методистом Центрального дома культуры железнодорожников, много ездила по всему Советскому Союзу.

Публикации ее стихов проходили в газетах, журналах и в альманахе «День поэзии». Немногие книги появились позже. Тема войны не оставляла Бялосинскую до конца жизни. Университетские же годы подарили ей глубокое знание русской народной культуры, обогатив ее поэтику и придав стихам особую интонацию. С конца 1960-х

Бялосинская пытается соединить в своих текстах высокое звучание традиционной русской поэзии, ритмические и лексические формы народного творчества, а также образность акмеизма с его конкретностью реалий и чувств. Огромное влияние на ее поэтику оказала также поэзия Николая Панченко. В стихах Бялосинской то вдруг врываются его интонации, то возвращается давно освоенная ею сказовая манера, хотя темы выбраны — совсем новые. О разных этапах поэтического творчества Бялосинской я писала при публикации ее стихов в журнале поэзии «Плавучий мост» (№ 1, 2018).

Нина Сергеевна была ко мне внимательна, добра и снисходительна к моему невежеству. И подарила в свое время машинопись своих тогда еще ненапечатанных стихов, которую я храню. Когда она готовила к печати том стихотворений Владимира Нарбута, этого акмеиста, ставшего большевиком, то сказала мне, что я с ним в стихах чем-то схожа. Хотя стихов Нарбута я тогда не знала, Бялосинская говорила, что и у меня такой же антиэстетизм и интерес ко всему, что есть плотское, особенно же к малоросскому. В конце жизни она задумала написать о фольклорных началах в поэзии Ахматовой на примере поэмы «У самого моря». Вычитала из нее не только те приметы ландшафта и моря, которые касаются Херсонеса (ибо, как и Ахматова, провела детство в Севастополе), но и особый лад повествования, сходный с так называемыми «быличками», а также признаки непрямого использования в тексте образов русской народной мифологии. К сожалению, эта работа Бялосинской не дошла до публикации.

Наше знакомство произошло незадолго до того, как в Москве состоялся суд над А.Д.Синявским и Ю.М.Даниэлем. Когда КГБ установило их авторство, раскрыв псевдонимы, и оба в сентябре 1965 года были арестованы, все новости по этому делу мы узнавали в доме Панченко-Шкловских. И подробный рассказ о Синявском услышали от Нины Бялосинской, которая вместе с ним училась в МГУ, и они даже дружили, познакомившись на семинаре по Маяковскому у известного литературоведа и филолога В.Д. Дувакина. «Мы были молодыми... Собирались у меня. Большой Девятинский переулок. Двухкомнатная небольшая квартирка. Но там тесно не было». Бялосинская хорошо знала и Элен, дочь французского атташе, которая вывезла произведения Синявского за границу. Элен была своим человеком в компании. Дувакин же потом проходил свидетелем со стороны защиты в процессе над Синявским и Даниэлем, за что был уволен с филфака МГУ.

Многое из того, что тогда рассказывала Бялосинская об Андрее Синявском, я привожу сейчас по рукописной записи ее беседы с В.Ф. Тейдер, сделанной в феврале 2000 года и подаренной мне самой Бялосинской.

С Синявским они жили «в одном направлении», нередко вместе возвращались с занятий и вели постоянную дискуссию. «Во-первых, — вспоминает Нина Сергеевна, — ему нравилась эстетика безобразного: “ Улица провалилась, как нос сифилитика”... А во-вторых, он увлекался блатным фольклором как очень образным, свое-образным. “Грянул выстрел и грохнулся парень/ пуля выбила зуб золотой”. А я-то собирала фольклор, ездила в экспедиции, возражала ему». Вспоминала смешное: «Он говорил “клозет” по адресу этой эстетики безобразного. И однажды во время громкого спора возле коаудитории, где всегда толпилось много народа с разных факультетов, мы вдруг услышали вокруг себя какую-то внезапную тишину. Андрей только что спросил у меня: “ Погоди, погоди... Что ты вкладываешь в “клозет”? А я: “ Что я вкладываю в “клозет”?.. То же, что и ты!”»

После постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» они с Синявским «бродили, чуть ли не всю ночь по городу, и он обижался за Пастернака, а я за Ахматову. С другими мы про это не говорили». «И прозу свою он мне не показывал, только говорил о ней... Он был человеком острых впечатлений, переживаний и острых поступков. Общительный. Но надо сказать, в обывательской жизни он был и застенчив. Вот такая была хохма. Он мне как-то говорит: «Ты меня извини, у меня к тебе очень интимный вопрос. Я больше никого не могу спросить. Вот в “Клопе” идет торговля.

Там выкрикивают: "Бюстгальтеры на меху!" Действительно, бывают бюстгальтеры на меху или это гипербола?» Я сказала, что «гипербола».

Когда об аресте стало общеизвестно, «все порядочные люди в Союзе писателей беспокоились, еще не зная, в чем дело...». Бялосинская стала предлагать Майе Розановой, жене Синявского: «Давайте будем хлопотать через Союз писателей, чтобы защитить его...». Но та сказала: «*А вы знаете, в чем его обвиняют? На Западе есть очень известный писатель Абрам Терц. Его обвиняют в том, что это он, Синявский.*» Тут я все поняла. «*Абрашка Терц*» была его любимая блатная песня. Но оставила это открытие при себе».

Суд над Синявским и Даниэлем вызвал общественное волнение. Я сама вместе с поэтом Аркадием Осиповым участвовала в митинге гласности в их поддержку 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади. Из собравшихся у памятника Пушкина мы тогда знали в лицо только смогистов. Хорошо помню там Володю Батшева. Одной из первых схватили и затолкали в машину Юлю Вишневскую. И в толпе случайно оказавшихся здесь людей говорили: «Не пьяная, а забрали». Панченко наряду с десятками известных писателей был «подписантом» «Письма 62-х», ходатайства об освобождении Синявского и Даниэля, что имело последствия (негласный запрет на издание его книг).

Бялосинская остро переживала происходящее, и своего знакомства с Синявским не скрывала. Виделись они и после лагеря. В доме Н.Я.Мандельштам и в Тарусе, уже перед его отъездом, на прогулке с семьей Панченко в лесу. «*Он рассказал нам, что уезжает в Париж. Что пока заключил контракт на два или три года. «Я понимаю, что меня лишат гражданства. Но не хочется отречься от России по своей инициативе». И перечислил несколько причин, по которым решил уехать. Я помню из них две. Во-первых, что он уже не может выступать здесь и как Терц, и как Синявский. А вторая, пожалуй, главная — он опасается, что у него конфискуют рукописи. Так уже случилось с Гроссманом.*»

Бялосинская и Панченко, поэты-фронтовики, постоянно появлялись на публике вместе. Их дружба и преданность друг другу не всеми воспринимались адекватно.

Ходила легенда, что Бялосинская на фронте якобы вынесла раненого Панченко с поля боя. Это вполне могло быть. Меня и сейчас уверяют, что они были связаны войной, а «военная любовь — самая крепкая». В действительности, как пишет сама Бялосинская, они познакомились после войны, в 1956 году на III Всесоюзном совещании молодых писателей в семинаре Ильи Сельвинского. Связи участников семинара Сельвинского, где судьба соединила Бялосинскую с Панченко и Окуджавой в духовный союз, остались на всю жизнь и еще больше укрепились, когда Окуджава вернулся в Москву и Панченко, женившийся в 1961 году на Варваре Викторовне Шкловской, тоже поселился здесь.

Николай Панченко так писал о фронтовой поре Нины, которую они называли «Белосинка»:

Не растерянной, не слабой
повстречалась ты с войной:
ты не стала Ярославной
ждать солдата за стеной,

выходить на стену, плача,
звать на помощь лес и дол.
Лямки жесткие — на плечи,
в брюки ватные — подол,

и — туда, где мрак и пекло,
где боец колоть устал,
где в горячих бурях пепла
с визгом мечется металл.

Где солдаты матерятся,
где от схватки не сбежать,
где на миг лишь растеряться —
век под камушком лежать.

Бялосинская, как никто другой, понимала не только военные стихи Панченко, но и более позднюю его философскую лирику. Вот что пишет она, цитируя пронзительные и совсем не геройские признания Панченко о военной обыденности: «под пулями и осколками, на голой, взрытой земле юный солдат мгновенно приживается, чуть ли не уютно угнеждается, вписывается внутрь открытого пространства, в случайную, недолгую, неприятную обстановку («Чижом — в дупло, // ежом под мох забиться, // В тепло, в тепло — // свернуться калачом...»). Осознавая значительность Николая Панченко как художника, Бялосинская писала о нем книгу «Коля и Пушкин». В ней эпизоды биографии Панченко, его стихи и на протяжении всего текста — цитаты из обоих поэтов. Они с Белосинкой служили друг другу и были «до гроба рядом», как Панченко поклялся в своем стихотворении «Ах ты, сверстница моя — смертница, / на войне уцелевшая».

После смерти родителей Бялосинская жила в семье Панченко-Шкловских, найдя здесь подлинное понимание и любовь. Нина Сергеевна была очень образованным человеком, и в доме Шкловских шутили, что она у них — Брокгауз и Ефрон. До конца жизни ее не оставляли и жена Николая Васильевича — Варвара Викторовна, и ее сын — Никита Шкловский, и жена Никиты — Катя.

Опубликованные в журнале «Знамя» (№8, 2018) дневники Бялосинской 1956—1963 годов свидетельствуют о том, что ей не было свойственно умиление перед советской властью. Однако шестидесятничество, которое теперь так принято осмеивать — общественное явление, надежда на восстановление ленинских норм — было для нее некоторое время естественным. Я не знала Бялосинскую до «дела Синявского и Даниэля». Но осознаю, что она не могла быть другой, чем в опубликованном дневнике. В семье глубоко советской, в среде комсомольской при идеологической многолетней накачке. Служа красноармейцем, на фронте и после войны, в годы сталинщины. Без доступа к правдивой информации. При недостижимости не только книг русских религиозных философов начала XX века, но и книг писателей 1920-х годов (Бабеля, Булгакова, Замятина), но и стихов Ахматовой и Цветаевой... «Двоемыслие», вмененное Бялосинской комментатором ее дневников, я начисто отрицаю. Прочтены записи нескольких «молодых» дооттепельных и оттепельных лет, но упреки спроецированы на всю жизнь Бялосинской без учета, что мышление человека меняется во времени. Впоследствии многое произойдет, она поймет настоящую цену всему и отречется от ложных идеалов своей юности, когда произойдут важнейшие события в ее жизни: влияние Н.Панченко, вхождение в круг Н.Я.Мандельштам, знакомство с о.Александром Менем — и преобразят ее как личность, осветив бытие и страницы единственной бесцензурной книги ее стихов «Ветер надежды».

«Я человек с кухни Надежды Яковлевны Мандельштам», — говорит о себе Бялосинская в беседе с В.Ф. Тейдер. Она попала в дом Надежды Яковлевны в середине 60-х благодаря дружбе с Варей Шкловской. «Московские кухни» времен застоя — уже привычное выражение, чуть ли не термин. Но кухни эти были разные. Были кухни «диссидентские». Но я так называемых «диссидентов» диссидентами не считаю. Большинство из них — революционеры совершенно большевистского толка. На кухне Надежды Яковлевны они не удерживались. Если диссидентство — инакомыслие, то истинно диссидентская кухня была именно в однокомнатной квартирке на Большой Черёмушкинской. Там собирались очень разные люди (С.Аверинцев, В.Я.Виленкин, И.М.Гельфанд, Н.Горбаневская, Кома (Вячеслав) Иванов, Н.Панченко, А.Синявский, Е.Мелетинский и др. — О.П.). Но все они, вместе с хозяйкой, серьезно размышляли о будущем. Готовились к нему, к новым проблемам, которые оно принесет; говорили о свободе и ответственности, о роли интеллигенции, о восстановлении гражданского общества...».

Дружба Бялосинской с Н.Я.Мандельштам продлилась до последних дней Надежды Яковлевны. Это и разговоры, и летняя жизнь в Тарусе, где «в ту пору ... говорили

прямее, обменивались рукописями и книгами», и чтение доступных в этом кругу книг В.Соловьева, Н.Бердяева, В.Розанова, П.Флоренского, а также «самиздата» и «тамиздата», хотя «честные книги и рукописи» тогда «арестовывались вместе с читателями», как свидетельствует Панченко в предисловии к книге Н. Я.Мандельштам «Воспоминания». Надежда Яковлевна, обычно иронически комментировавшая идеологические установки, безоговорочно доверяла Белосинке и летом 1970-го дала ей рукопись своих воспоминаний, «еще листочки», которую та увезла в Удельную на дачу, став одним из первых ее читателей. Это была «Вторая книга», изданная на Западе (Париж, YMCA-PRESS, 1972) и вызвавшая много обид в здешней писательской среде. Приобщение к дому Надежды Яковлевны кардинально повлияло на мировоззрение Бялосинской. Изжита «безмятежная идейность с тихим привкусом тоски», ушла длительная тревога заблуждений. Позднее Нина Сергеевна признавалась: «В этой среде началась моя новая, все более полная жизнь».

Печаталась Бялосинская мало. Зарабатывала поэтическими выступлениями от Бюро пропаганды, но это были копейки. Наконец в 1978 году вышла книга «Поздний свет». Меня удивляло, что стихи о войне строго цензурируются, а редакторы, боясь претензий Гослита, без зазрений совести стригут и «правят» стихи. Коснулось это и Бялосинской, которая мне объяснила: «Они боятся не смыслов, а слов». Нельзя было употреблять «физиологизмов», церковно-славянизмов и особенно слов, касающихся темы смерти. И Бялосинская, и Панченко хорошо всё это знали. Николай Васильевич лишь на склоне жизни опубликовал без цензурных искажений свои стихи о войне. В «Советском писателе» они оба стремились, чтобы редактировал их книги В.С.Фогельсон, которому удавалось продвигать авторов, считавшихся «непроходимыми». Но и он был не всемогущ.

Шаги, сделанные Ниной Бялосинской на пути личного спасения, — это поиски современных слов в обращении к Богу. Она уверяла, что в СССР поэзия заменила философию. Но в человеческой духовной практике лирика тогда занимала такое важное место еще и потому, что для кого-то стала эквивалентом молитвы, исповеди, проповеди, возможностью побудительного высказывания, обращенного и к себе самому... Человек ищет новых форм общения — с Богом и людьми. Прежние, архаические формы неполны, словарь их таков, что реакция на слова затруднена, замедлена. Бялосинская из тех, кто пытался своими словами обратиться к небесам и кому такая попытка удалась. Получились искренние, полноценные в художественном отношении стихи. Это был ее личный религиозный опыт, важный, но незамеченный.

На излете жизни Нина Сергеевна явила нам, несмотря на тяжелую болезнь, не только силу характера, трезвость ума и великодушие, но и поистине христианское смирение. Как сказала одна из медсестер, остававшаяся с Бялосинской до последнего ее вздоха, это был, по сути, самый здоровый человек, имея в виду ее душевное состояние, не омрачаемое даже страданиями немощи.

Архив Нины Бялосинской — я верю! — будет востребован. И современники многое узнают о жизни души в советское время из ее текстов, еще не прочитанных нами.